

Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. – Cambridge, 1991.

4. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – Frankfurt am Mai: Suhrkamp, 1981. Bd.1.

## ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И.Г. Сиверцева, г. Минск, Беларусь

Изучение поведения человека является одной из актуальных проблем психологии и философии. Наибольшие разногласия среди исследователей вызывает вопрос о том, могут ли люди действовать рационально. Некоторые полагают, что это возможно при наличии у них высокого уровня знаний и культуры. Другие же считают, что общество в целом, за исключением некоторых экспертов, обладает низким уровнем знаний и культуры, поэтому поведение обычного человека носит иррациональный и противоречивый характер. В психологии ответ на этот вопрос зависит от того, что исследователи понимают под «рациональным» и «иррациональным», в частности, от их отношения к роли эмоций в поведении людей.

Сторонники оптимистического подхода к оценке поведения избирателей определяют рациональность как «способность выбрать из множества возможных вариантов тот, который в наибольшей степени гарантирует достижение своих интересов» [1, с. 24].

Сторонники пессимистического подхода считают, что поведение человека иррационально: люди, скорее всего, ограничиваются тем небольшим объемом информации, которая у них есть, подстраивая новые данные под уже имеющиеся у них убеждения. Они фильтруют новую информацию, поступающую к ним, отсеивая все то, что представляется им странным или неуместным. Таким образом, поведение людей повторяет укоренившуюся модель и носит костный, замкнутый и закрытый для новой информации характер.

Модели рационального и иррационального избирателей возникли в 1960-1970 годы; это был период активного изучения общественного мнения, поскольку в демократических странах избиратели стали решающей силой, которая определяла уровень политического и экономического курса государства. В рамках данного подхода ученые разработали три основные теории поведения избирателей: теорию ограниченной рациональности, теорию иррациональности и теорию эмоционального интеллекта.

В данной работе мы изучили теорию ограниченной рациональности на примере моделирования поведения избирателей Р. А. Sniderman, R. Brody, Р. Tetlock (1991) и А. Lupia (1994). В центре внимания моделей

ограниченной рациональности – эвристические (мыслительные) стратегии, которые плохо информированные избиратели используют, чтобы воспроизвести выборное поведение хорошо информированных и политически искушенных граждан. Согласно А. Luria, использование стратегий позволяет избирателям сделать рациональный выбор; однако, рациональность этого выбора ограничена только тем случаем, при котором избиратели имеют возможность правильно интерпретировать политическое сообщение и знают его проводника. Теория ограниченной рациональности определяет политическая искушенность как «высокий уровень сознательности, на котором избиратели могут рассуждать о своем политическом выборе» [4, с. 20].

Теория иррациональности получила отражение в работах со авторов симулятивных моделей поведения избирателей Larry M. Bartels (1996) и Scott L. Althaus (1998). По мнению L. M. Bartels, использование эвристических стратегий приводит к слепому копированию поведения других людей, интересы которых необязательно совпадут с интересами копирующего. Выбор с использованием стратегий будет отличаться от выбора, который мог бы сделать избиратель в условиях полной информированности. В свою очередь S. L. Althaus полагает, что даже высокий уровень информированности не является единственно достаточным условием для обеспечения качественного выбора.

Роль эмоций в поведении была частично реабилитирована в модели обработки данных онлайн, разработанной Milton Lodge, Marco R. Steenbergen и Shawn Brau в 1995 году. Авторы считают, что человек рационален, если он (она) может «формировать суждение в ответ на стимулы, воспринятые во время избирательной кампании; интерпретировать новую информацию и использовать ее для принятия политического решения» [2, с. 311]. Таким образом, рациональным считается такое поведение, при котором человек меняет свое поведение в соответствии со стимулами, в том числе и эмоциями. Данный подход отрицает главенствующую роль памяти и знаний, но подчеркивает значение эмоций и впечатлений в осуществлении качественного политического выбора.

Важность эмоциональной составляющей поведения была полностью реабилитирована разработчиками теории эмоционального интеллекта George E. Marcus, W. Russell Neuman и Michael MacKuen (2000). Авторы полагают, в частности, что беспокойство – это фактор, способствующий принятию правильного политического решения.

Литература:

1. Catellani, P. *Psicologia politica* / P. Catellani. – Bologna, il Mulino, 2011.

2. Lodge, M. The Responsive Voter: Campaign Information and the Dynamics of Candidate Evaluation / M. Lodge, M. Steenbergen, S. Brau – 1995. American Political Science Review. – Vol. 89. – No. 2: 309-326.
3. Marcus, G.E., Affective Intelligence and Political Judgment / G.E. Marcus, W.R. Neuman, – M., 2000.
4. Sniderman, P. Reasoning and Choice, Cambridge University Press / P. Sniderman, R.A. Brody, P.E. Tetlock. – 1991.

## О ПРИОРИТЕТЕ ДУХОВНОГО НАД НРАВСТВЕННЫМ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОНОМНОСТИ И ГЕТЕРОНОМНОСТИ ЭТИКИ

О.С. Соина, г. Новосибирск, Россия

Выдающаяся заслуга русских религиозных философов, обратившихся к этической проблематике, заключается в том, что они правильно определили соотношение духовного и морального, благодаря чему им удалось разрешить проблему автономности и гетерономности этики. Так, во-первых, отказывая морали в праве на *абсолютность* ее оснований, русские философы фактически осуществили некую сложную социокультурную и аксиологическую ретроспекцию, своего рода «движение назад», к истокам ценностных представлений человечества, предполагающее восстановление онтологически «правильного» порядка бытия, разрушенного эпохами секулярной культуры и духовных потрясений. С точки зрения этой оригинальной социокультурной динамики, *абсолютно только духовное* как особая сфера взаимоотношений человека с Божественными силами; мораль же как область взаимоотношения человека с себе подобными не только не абсолютна, но, наоборот, онтологически соподчинена духовному, принудительность которого («страх Божий») несомненно древнее и значительнее многих нормативно-регламентирующих предписаний морали как таковых.

Во-вторых, этот примат духовных основ над моральными никоим образом не релятивизируя последних и не превращая их в нечто относительное и потому необязательное к исполнению, чрезвычайно разнообразит и углубляет само предметное содержание этики, делая его своеобразным и неповторимым вследствие исключительной уникальности представлений каждого народа о Боге и Его отношении к человеку. При этом именно *духовные основания* культуры, онтологически доминирующие над сферой морали, занимающей «срединное» положение между миром Божественным и «просто жизнью», и создают то чрезвычайное богатство собственно этических ее версий, которыми так богата жизнь современного мира. Несмотря на многочисленные попытки универсализировать их и свести к единому формально непротиворечивому этическому минимуму, в равной мере разделяемому всеми людьми и народами, только духовность